

№ 12
ДЕКАБРЬ
1947
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

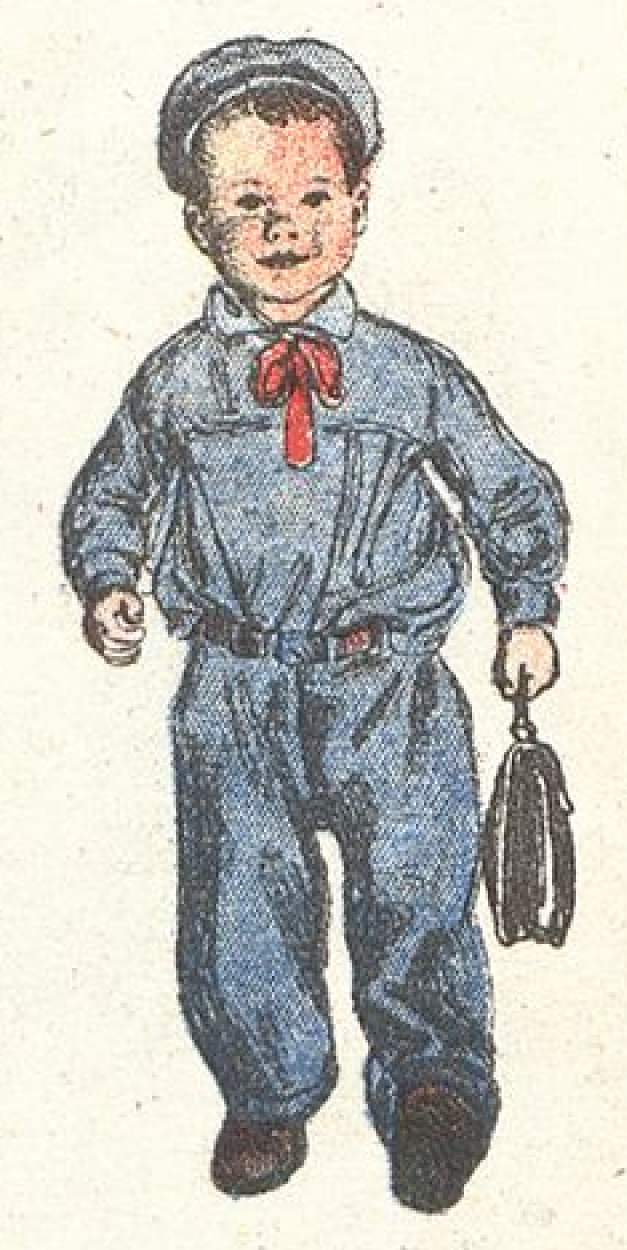
(К 25-летию образования СССР)

Эта страничка особенная, на ней нарисованы мальчики и девочки различных народов Советской страны. Художник нарисовал только шестерых: русскую девочку и русского мальчика, маленьких украинцев — мальчика и девочку, бурята и девочку из Белоруссии. А если бы здесь нарисовать детей всех народов Советского Союза, то для рисунков понадобился бы весь наш журнал, потому что в нашей стране, самой большой стране на свете, живёт около 60 различных народов. И живут они дружно, работают на благо нашей матери-Родины. Такой же крепкой дружбой спаяны и все советские дети.

В этом году наш народ отмечает великий день 25-летия образования СССР. Союз Советских Социалистических Республик был образован на I Всесоюзном съезде Советов по предложению товарищей Ленина и Сталина — 30 декабря 1922 года. Четыре советские республики — Российская, Украинская, Белорусская и Закавказская — добровольно вступили в Союз Советских Социалистических Республик. До этого они тоже работали и действовали совместно, но не были объединены в одном союзном государстве.

С тех пор прошло много времени, и СССР ещё более окреп и вырос. Советский Союз объединяет теперь 16 равноправных советских социалистических республик. Права народов, их труд, их свободу охраняет советский закон — великая Сталинская Конституция. Народ сам управляет своим государством, сам выбирает своих депутатов в Советы.

Хорошо живётся детям Советской страны! У них есть светлые, просторные школы, свои дворцы, клубы и театры. Все дороги в жизни открыты для наших ребят. О детях нашей страны заботится, их горячо любит великий вождь советского народа — Иосиф Виссарионович Сталин.

НАШ ГЕРБ

С. МАРШАК

Рис. Н. МУНЦ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орёл двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный,
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв своё,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копьё.

Но не орёл, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережём просторный дом,
Где место есть под небосводом
Для всех, кто кормится трудом.

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля и колос и звезда!

ЛЕВ КАССИЛЬ

Рис. В. БИБИКОВА

10. РАЗГОВОР НА ПОЛУБАКЕ

Вечерком, в тихую погоду собираются моряки на носу корабля, на полубаке. Хорошо здесь. Ветерок встречный обдувает. Над головой заморские звёзды. А где-то на горизонте нет-нет да и пробежит по краю тёмного моря летучий луч далёкого маяка. Вскинется на миг, смахнёт звезду с неба, пропадёт. А звезда на том же месте снова загорится...

Тепло. Тихо. И машины не слышно. Весь шум позади остаётся.

Полубак — любимое место моряков, вроде матросского клуба. Соберутся здесь вечером моряки, сядут в круг на брезенте. Один на баяне играет тихонечко, другой подпевает. Разговоры пойдут, шутки. Кто правду рассказывает, разные случаи из морской жизни. А кто и соврёт для смеха. Поймают его на слове. «Брось травить», скажут. А уж если кто-нибудь лишнее невесть что наплетёт, тут ему кричат: «Полундра на полубаке! С неба галушка упала, кто наврал, тому в рот попала, смотри, не подавись!..»

Никто не обижается. Моряки любят слушать всякие удивительные рассказы. Так и сыплются шутки-прибаутки да небылицы.

Сперва принялся кок-повар рассказывать:

— Мы, вот, в тёплых морях плывём. А на севере мне доводилось ходить, так там, браточки, целые ледяные горы плавают. До того там лютый мороз, что как волну вскинет да прихватит морозом, так она в один момент горой и застывает.

Смеются моряки:

— Ай да кок! Вот уж действительно сморозил. Целую ледяную гору наворотил.

А весёлый радист говорит:

— Нет, кок насчёт ледяных гор, конечно, приврал. Ледяные горы, как науке известно, это ледники. Они с высоких гор сползают в море, у берега отламываются и плывут себе... А вот я скажу вам уже не насчёт холода, а наоборот. Ходил я раз в жаркие моря. Вот там жара, так жара! Море на солнце так нагреется, аж кипит. Там кокам на корабле и делать нечего. Никакой работы от них не требуется.

— Почему так? — спрашивает кок.

— А очень просто,—отвечает радист:— рыба в море вся наверх всплывает уже солёная и варёная. А рыбы там много. Значит, бери миску да черпай из моря готовую уху, сколько хочешь. И ешь на здоровье. Вот бы тебе где плавать, кок!

Хохочут моряки:

— Ай радист, ну и травит!.. Хорошо хоть по радио тебя сейчас не слыхать. А то во всём мире уши бы завяли у людей.

Тут закричал один матрос:

— Полундра!.. Дух идёт.

А «духами» на кораблях кочегаров дразнят. Потому что, когда они с вахты идут из котельной, так лица у них чёрные от угля, как у нечистого духа в сказке.

Подошёл наш кочегар.

— Духу привет! — кричат ему.

— Вечер добрый! Какие сегодня новости на полубаке?

Отвечают ему разом и складно:

— На полубаке бегали собаки. Появились духи, околели со скуки мухи...

— Хватит вам травить, — говорит наш кочегар.

— А ты расскажи что-нибудь с интересом, — просят его.

— Да рассказать-то есть что... Только я ведь травить не мастер. Если хотите, расскажу вам, что вправду было. Пусть молодые наши матросы, кто по первому году служит, это дело послушают.

Молодые матросы стали кочегара просить, чтобы рассказал. Закурил кочегар, сел на брезент.

— Ну, ладно, — говорит, — расскажу я вам про нашего командира. Вот кто знает, отчего у него голова вся белая?

— Старый, наверное?

— Какой же он старый! Он ещё не старый. Лет сорок ему всего. А седой весь. Я ещё его чернявым знал. И на моих глазах он белым сделался. Командир у нас, ребята, герой. Моряк из настоящих. Много мы с ним поплавали, в разные дела попадали. И вот было раз такое... Шли мы выполнять одно боевое задание. А на нас налетели немцы, стали с воздуха бомбить. Командир стоял на мостике. Вдруг тяжёлая бомба как ахнет у самого борта. Волна поднялась выше мостика, подхватила нашего командира и смыла его в море. Никто у нас и пошевелиться не успел, только «стоп-машину» дали, как засвистела сверху вторая бомба, фугаска грохнула в море, вскинула на нас волну. И вот — верьте, не верьте, братки, — той самой волной командира обратно к нам на корабль бросило. Ударило его о трубу. А на трубе железные скобки были. По ним лазают, когда трубу сверху чистить надо. Ухватился командир на лету за железные скобки и повис на руках. Ну, тут мы все подоспели и сняли нашего командира. Живой и целый. «Чего стали? — говорит. — Полный ход!» Об этом потом и в газетах писали.

— Тут он и поседел? — спрашивает молодой моряк-первогодник.

— Нет, — говорит наш кочегар, — ни волосочка белого у него после того случая я не заметил. Это в другой раз вышло. Охраняли мы тогда на маленьком сторожевом корабле английские, американские пароходы с ценным военным грузом. А немецкая подводная лодка пустила торпеду в самый большой пароход. Место узкое, между скалами. Видим — не увернуться американцу. Взорвётся он сейчас. А на нём груз — тысячи снарядов. От него взлетят на воздух и другие пароходы. И решил тогда наш командир прикрыть своим маленьким сторожевым кораблём американский пароход. Сам кинулся к штурвалу, плечом рулевого в сторону: «Полный вперёд!» И пошёл наш маленький корабль-сторожевичок наперерез торпеде. А командир нам кричит: «Кончай шуровать, бра-

точки. Конец! Надеть всем спасательные пояса! Закуривай, кто успеет!»

Надели мы свои спасательные пояса, и в этот миг ударила торпеда в наш борт. Расколола наш кораблик. Людей поскидывало в море. А кто на погибающем корабле остался, тот поднял сигнал: «Погибаем, но не сдаёмся...» А командира взрывом далеко в море бросило. Видим, плывёт он, весь в крови. Его волной накрывает. А он нам кричит: «Держись, браточки! Я к вам иду!..» С другого корабля шлюпку спустили, вытащили командира. А он всех спасителей растолкал и обратно в море. К нам плывёт. С нами быть хочет. Для него хоть одна железка от корабля наплаву осталась, а всё-таки это железка своя, советская, раз она под нашим флагом на воде держится. Ну, тут наши обломки на дно пошли. Подоспели к нам шлюпки. Вытащили нас, спасли командира. Сделали ему перевязку на другом нашем корабле. Доктора к нему со всякими лекарствами. А он все микстуры вон, давай ему чернила! Дали. Написал он телеграмму в Москву адмиралу флота. Так, мол, и так. «Стоял не на месте во время боя: надо бы отойти от борта, а я там для храбрости красовался. И меня взрывом выбросило с корабля раньше времени. Так что я не мог оставаться на командирском посту до полной гибели моего корабля. Прошу за эту ошибку по службе наказать меня». И не спал, не ел, не пил ничего до утра, золотой человек. За ту ночь и поседел.

— Чего же он так горевал? — спрашивает молодой матрос.

— Боялся, что подумают, будто он нарочно заранее с корабля прыгнул, взрыва испугался. А такие командиры, как наш, с корабля сходят последними или погибают с ним вместе. Ну, потом пришла телеграмма наутро от адмирала флота.

— Какая?

— «Благодарю за службу. Честь и слава отважному советскому моряку-офицеру!» Вот какой у нас командир!

Помолчали моряки. Слышно было только, как бурун у носа бурлит. А потом молодой матрос спросил у кочегара:

— А верно говорят, у вас на груди звезда на теле обозначена?

Другие локтем подталкивают матроса-

первогодника, чтобы не спрашивал он этого. Нахмурился кочегар. Потрогал полосатую тельняшку у себя на груди.

— Не люблю я про это, браток, рассказывать... Скажу только так. Вот некоторые моряки любят у себя на теле кислотой да иголкой якоря рисовать, сердечки да всякие там веры, надежды, любви. Глупое это дело, хоть и морская привычка. А у меня ведь совсем другое вышло... Долго это рассказывать. Словом, попал я раненым в лапы фашистам. Пытали меня там, чтобы я сказал, где наша морская пехота стояла. Я, конечно, промолчал. Вот они мне тогда бритвой на груди пятиконечную звезду из кожи вырезали. М-да... Потерял тут я память. А ночью мы вдвоём с одним моим дружком часового свалили и уползли к своим. Только товарища у меня пуля догнала немецкая. А я живой добрался. Э-э, браточек, мало ли что было! Всего и не вспомнишь. Товарищей своих только многих жалко... Ну-ка, споем, что ли, как погибли в бою наши миноносцы — «Способный», «Беспощадный» и «Харьков».

И запели на полубаке. Полетела в тёмную ночь, к чужим заморским звёздам, к далёким маякам наша матросская песня:

В родных черноморских глубинах,
Ещё не остыв от огня,
Лежат на песчаной равнине
Отважные три корабля...

П. ОБРАЗЦОВ

НА ЛЫЖАХ

Небо сине. Солнце рыже.
День морозный. Дым столбом.
Одеваюсь — и на лыжи,
И бегом, бегом, бегом.
За поляной лес сосновый.
Сосны пышные в снегу.
Дай-ка я сегодня снова
В гулкой чаще пробегу!
Вот и лес. Он ближе, ближе...
Он летит навстречу мне.
Лишь поскрипывают лыжи
В чуткой тишине.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Трещит мороз. Застыли речки.
Дрожат берёзки у реки.
У нас тепло. В горячей печке
Потрескивают угольки.
Сгорят они, и скоро, скоро
В уютном комнатном тепле
Растают тонкие узоры
На разрисованном стекле.

ВИТАЛИЙ БИАНКИ *Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО*

СНЕГИРУШКА-МИЛУШКА

Жил у нас с бабушкой летом снегирушка-милушка. Ручной совсем. И очень музыку любил. Заведёшь патефон — он сейчас насвистывать.

Мы ему всё больше ставили смешную песенку из фильма «Три поросёнка». Он и выучил её. Целыми днями, бывало, свистит себе из своей большой проволочной клетки:

У меня хороший дом,
Новый дом,
Прочный дом...

Так славно насвистывал, все прямо удивлялись.

А потом, осенью, заболел. Заболел наш снегирушка и смолк. Сидит, хохлится, зерна почти не клюёт и молчит.

Пёрышки у него стали падать. Это он линял. Долго линял — хохлился. А когда перелинял и выздоровел, опять повеселел. Повеселеть-то повеселел наш снегирушка, а песенку свою любимую забыл. Насвистывает что-то своё, птичье, а поросячью песенку — никак, хотя мы ему попрежнему патефон заводили.

Заведём, — он слушает, слушает. Смирно сидит, будто что-то вспомнить силится. И не может.

К зиме мы кота взяли у соседей, большого, серого: очень нас мыши одолели. Тут уж снегирушка и совсем замолчал.

Раз солнечным утром мы опять поставили эту пластинку:

У меня хороший дом,
Новый дом...

Снегирушка — ни гу-гу.

Я и говорю бабушке:

— Я не знал, что птичкам так тяжело линять. Наш снегирушка совсем слух потерял, как маленькая Маша после кори.

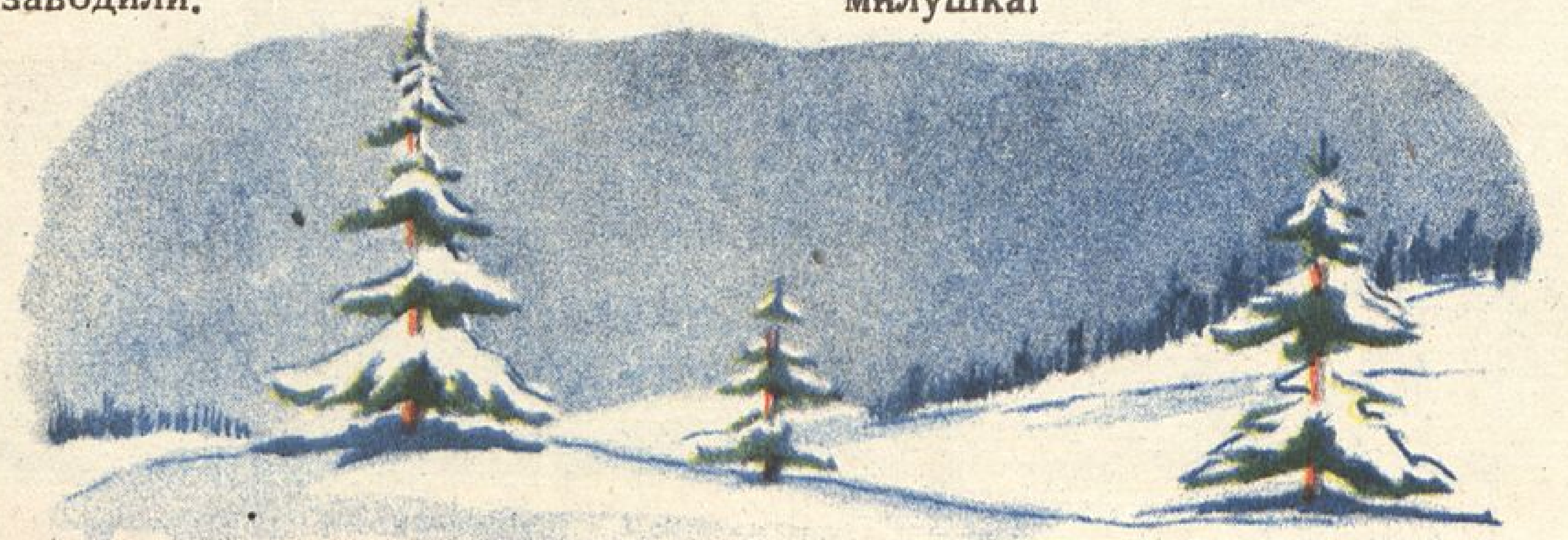
А бабушка говорит:

— Может быть, это он кота боится. Надо кота унести.

А снегирушка из клетки вдруг как засвистит:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк,
Старый волк...

Мы так и ахнули: вспомнил ведь песенку, милушка!

ПОРОША

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ *Рис. М. РОДИОНОВА*

Пролетело жаркое лето, прошла золотая осень, выпал снег — пришла зима.

Подули холодные ветры. Голые стояли в лесу деревья — ждали зимней одежды. Сосны и ели стали ещё зеленее.

Много раз большими хлопьями начинал падать снег, и, просыпаясь, люди не узнавали поля, — такой необыкновенный свет светил в окно.

По первой пороше охотники пошли на охоту. И целыми днями слышался по лесу заливистый лай собак.

Стоит охотник на краю леса, ждёт.

Колобок, не колобок — катится через дорогу заяц.

Свистнул охотник. Остановился заяц, сел на задние лапы, уши поднял — слушает, далеко ли собаки.

Поднял охотник ружьё...

О чудесных превращениях

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рис. В. ЦЕЛЬМЕР

В сказке про Золушку волшебница превращает тыкву в карету, а мышей — в лошадей.

Но чудесные превращения бывают не только в сказках.

Посмотри-ка на этот клубок. Похож он на шапку или на варежки? Совсем не похож.

А попроси маму, и она превратит его и в шапку и в варежки.

У мамы, как у всякой волшебницы, есть для этого волшебная палочка, и не одна, а целых пять — вязальные спицы.

Твоя мама умеет превращать сухую, безвкусную муку в румяные пирожки и булочки. У твоей мамы есть волшебные горшки и кастрюли. В них молоко становится творогом и сметаной, клюква превращается в кисель, жёсткое сырое мясо делается мягким, меняет цвет и вкус.

Вот что происходит у тебя дома на кухне.

А если бы ты побывал на заводе, ты увидел бы ещё и не такие превращения.

Ну, как ты думаешь, например, можно ли картошку превратить в резиновый мячик? Можно ли из творога связать кофту, а пуговицы для этой кофты тоже сделать из творога?

Уж на что твоя мама мастерица вязать и готовить, но и ей не удалось бы сварить из картошки мячик и связать из творога кофту.

А на заводах у нас рабочие каждый день делают такие чудеса.

Из картошки или из хлебных зёрен они добывают спирт, из спирта — резину. А из резины можно сделать не только мячик, но и грелку, и автомобильную шину, и спасательный круг, и резиновую лодку, и ещё много других нужных вещей.

Но ведь картошка и хлеб — это еда. Их жалко портить. Вот наши учёные и стали думать: а нельзя ли делать резину из чего-нибудь такого, что для еды не годится?

Думали они, думали и придумали: делать резину из нефти.

Слыхал ты когда-нибудь про нефть? Она жидкая, чёрная, горючая. Её качают по трубам из-под земли.

Без нефти и самолёт не мог бы летать, и автомобиль не мог бы ходить.

Бензин для мотора даёт нефть. Масло для смазки даёт нефть. И даже резиновые шины для колёс тоже даёт теперь нефть.

Прежде резину приходилось везти из далёких стран, где растёт каучуковое дерево.

Много в жарких краях удивительных деревьев.

Там есть хлебное дерево. У него плоды, как круглые хлебцы.

Там есть кокосовая пальма. У неё орехи величиной с твою голову.

Но самое полезное — каучуковое дерево. Из его сока добывают каучук, резину.

Есть и у нас в стране растения-каучуконосы.

Но их пока что ещё не так много. А резина нам очень нужна. Вот наши учёные и придумали способ обходиться без растений-каучуконосов, добывать резину на заводе.

Один завод может больше дать резины, чем целый огромный лес каучуковых деревьев.

Если бы ты побывал на заводе, ты увидел бы ещё много чудесных превращений.

Из угля, нефти, творога и разных других материалов на заводе делают пластмассы. А пластмассы превращают в тысячи вещей: в телефонные аппараты, зубные щётки, в пуговицы и выключатели, в чайные чашки и игрушки, в стёкла для автомобилей, винты и крылья для самолётов.

У тебя дома, наверное, тоже есть какие-нибудь вещи из пластмассы.

Пластмасса — самый послушный из всех материалов. Её можно сделать и твёрдой и мягкой, ей можно придать любой цвет и любой вид.

Стекло бьётся, дерево горит, сталь тонет. А из пластмассы можно сделать небьющееся стекло, негорючее дерево, нетонущую сталь.

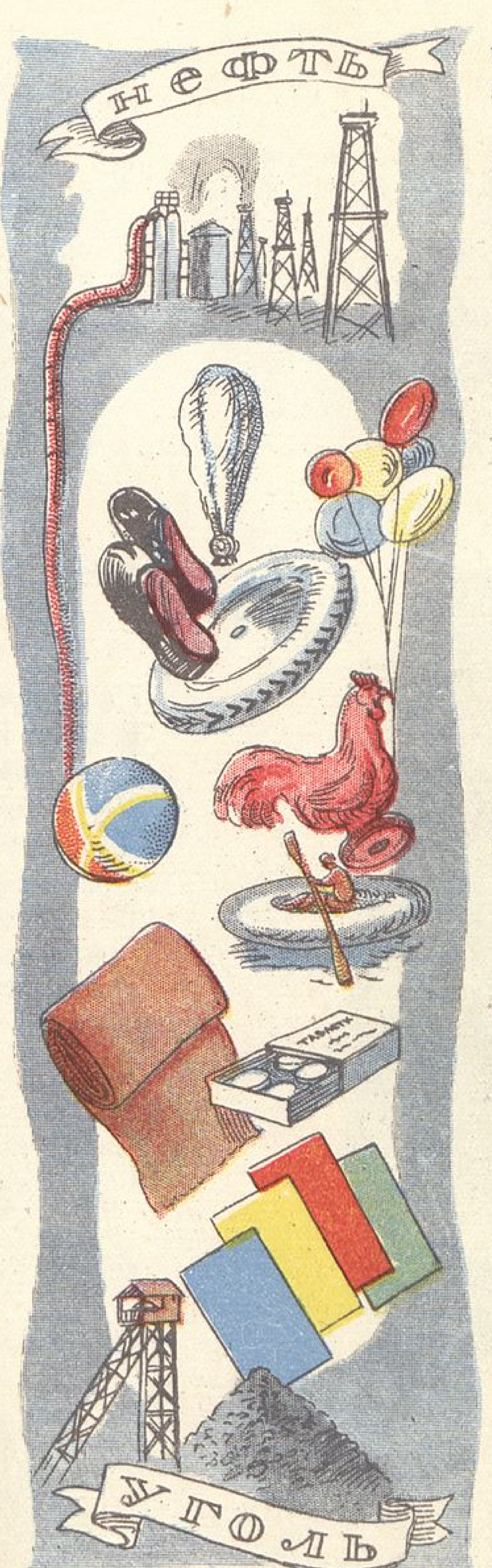
Сталь — твёрдая, стекло — прозрачное, дерево — лёгкое А пластмассу можно сделать сразу и твёрдой, как сталь, и лёгкой, как дерево, и прозрачной, как стекло.

Мне пришлось бы говорить с утра до вечера, если бы я захотел рассказать обо всех чудесных превращениях вещей.

Видал ли ты каменный уголь?

Его так называют потому, что он твёрдый, как камень.

Каменный уголь горит у вас в доме — в котельной. Котельная, как большая печка, греет весь дом, все квартиры во всех этажах.

Уголь жгут в паровозной топке, чтобы он превращал воду в пар, чтобы пар толкал колёса.

Это ты, должно быть, и раньше знал.

А знаешь ли ты, что чёрный уголь превращают на заводе в яркие краски — синие, жёлтые, красные, зелёные, голубые, в таблетки лекарств, в пряжу прочнее шёлка?

Видишь, сколько нам пользы от угля!

Уголь нас и греет, и возит, и одевает, и лечит.

А дереву тоже есть чем похвалиться.

Дерево превращают не только в дома, в дрова, в столы, в стулья, но и в бумагу, в шёлк, в кожу, в сахар.

Эта книга сделана из дерева.

Но, пожалуй, самые удивительные превращения происходят с творогом.

Из него делают и чашки, и тарелки, и пуговицы, и шерсть для вязанья.

Раньше детей спрашивали: кто даёт людям шерсть? И дети отвечали: овцы.

А как ты ответишь на этот вопрос?

Ты скажешь: шерсть теперь дают нам не одни только овцы, но и машины на заводе.

Детей спрашивали: кто даёт шёлк? И дети отвечали: шелковичные черви.

А ты скажешь: шёлк теперь дают нам не одни шелковичные черви, но и машины на заводе.

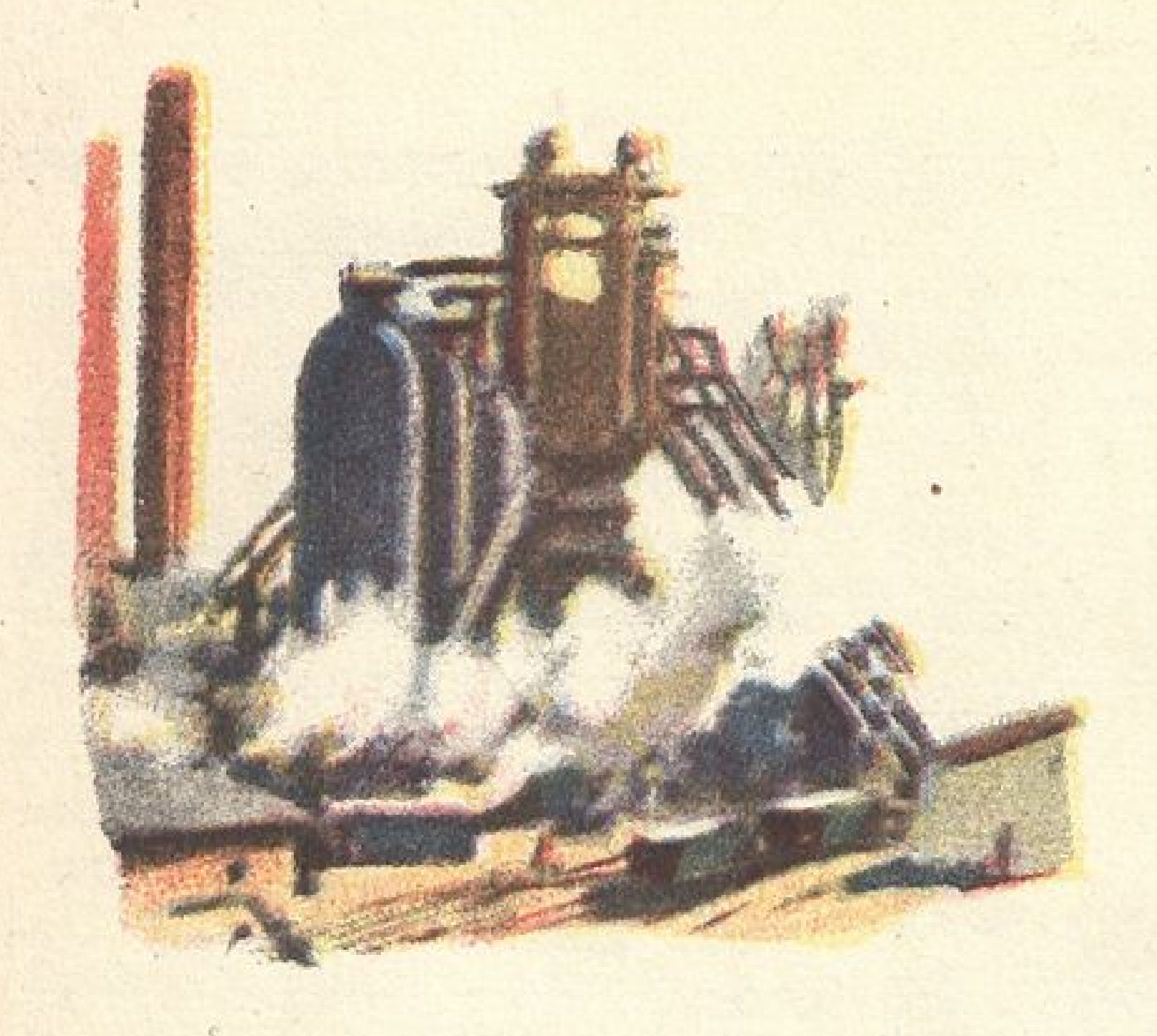
Детей спрашивали: кто даёт резину? И дети отвечали: каучуковые деревья.

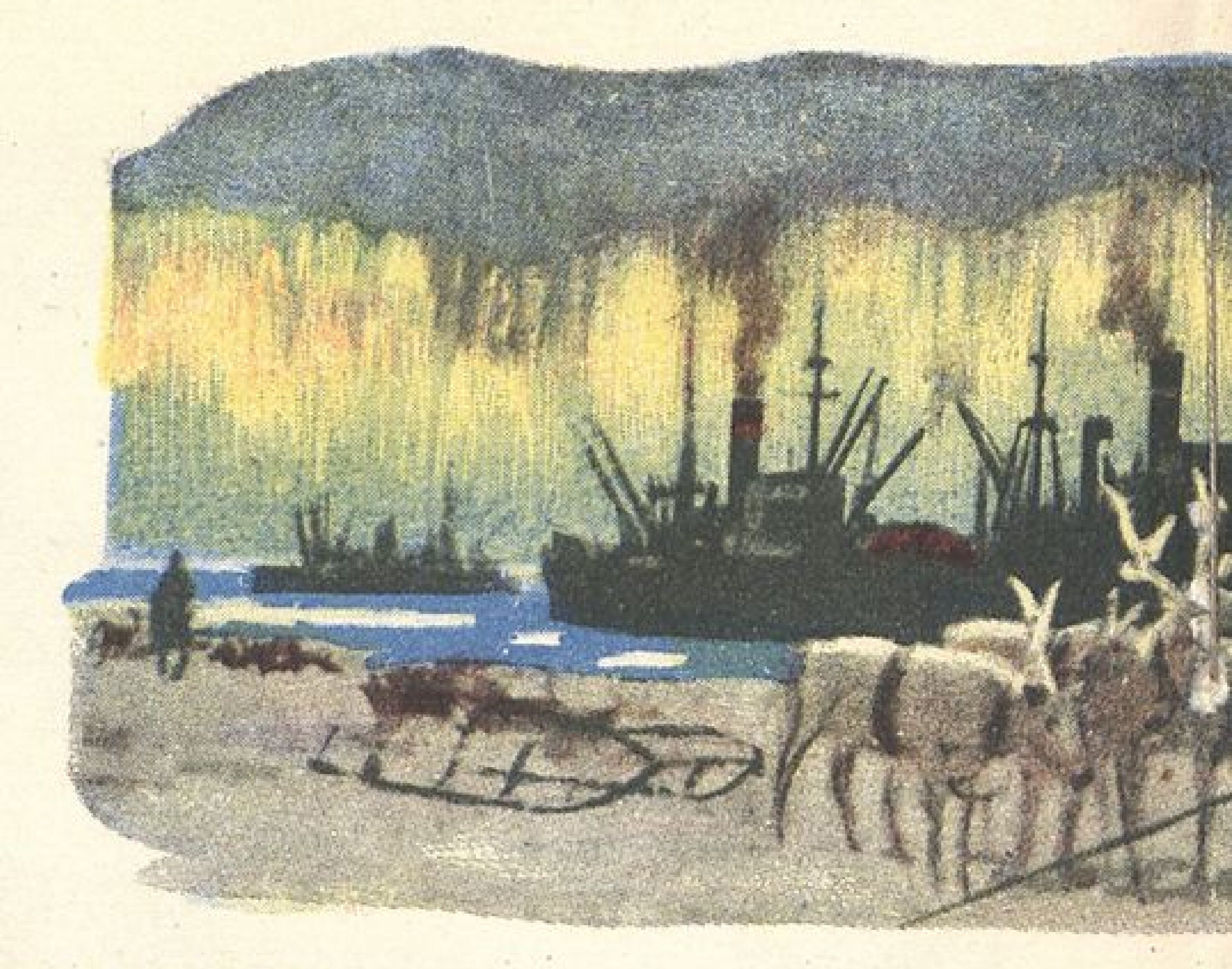
А ты скажешь: резину дают нам не одни только каучуковые деревья, но и машины на заводе.

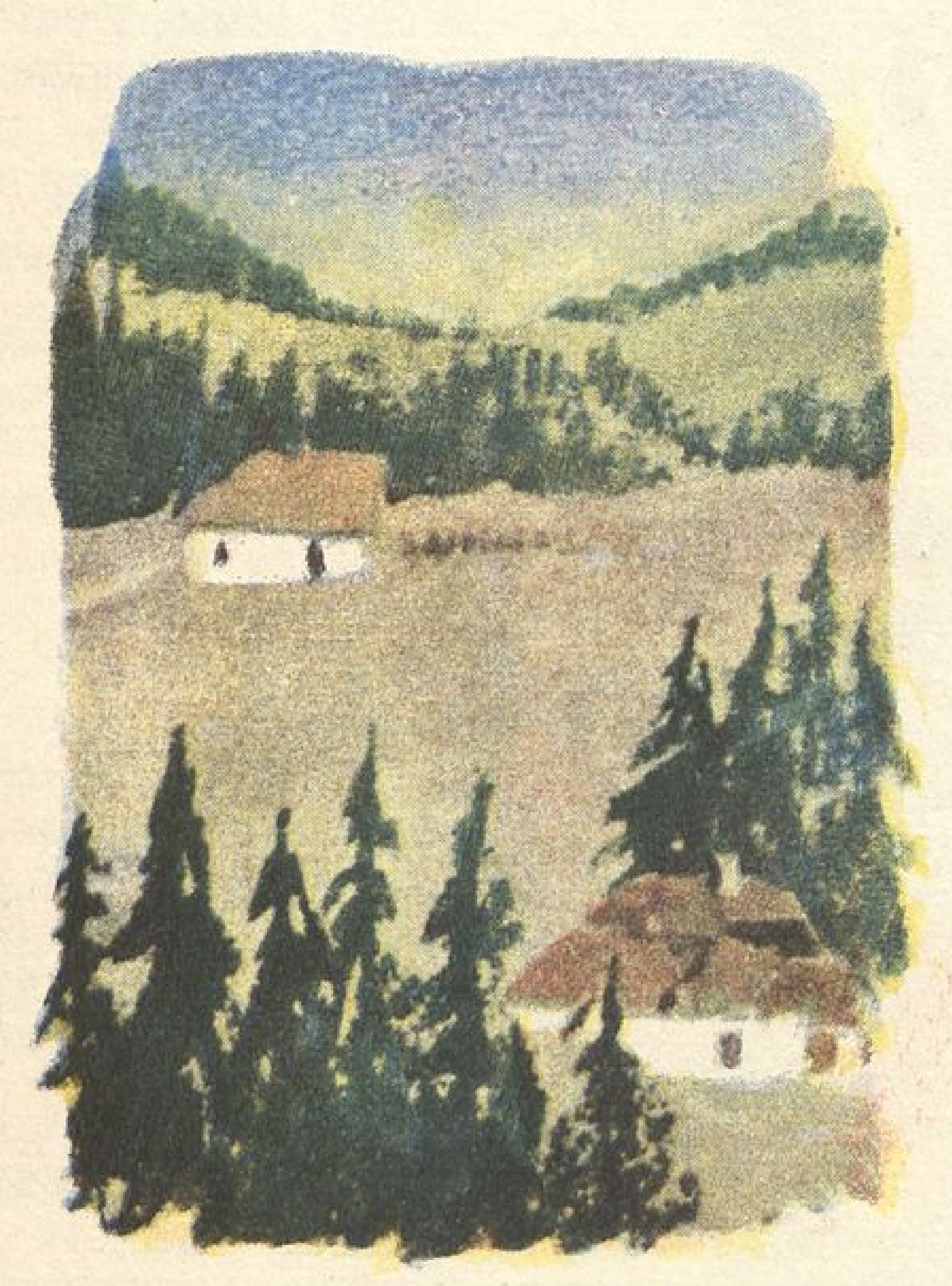
Много у нас на заводах машин, котлов, аппаратов. Их придумали умные головы. И управляют ими умные руки.

С каждым годом, с каждой сталинской пятилеткой у нас будет всё больше таких машин.

И когда ты вырастешь, ты, может быть, тоже будешь придумывать и строить машины, делающие чудеса.

ИВАН НЕХОДА

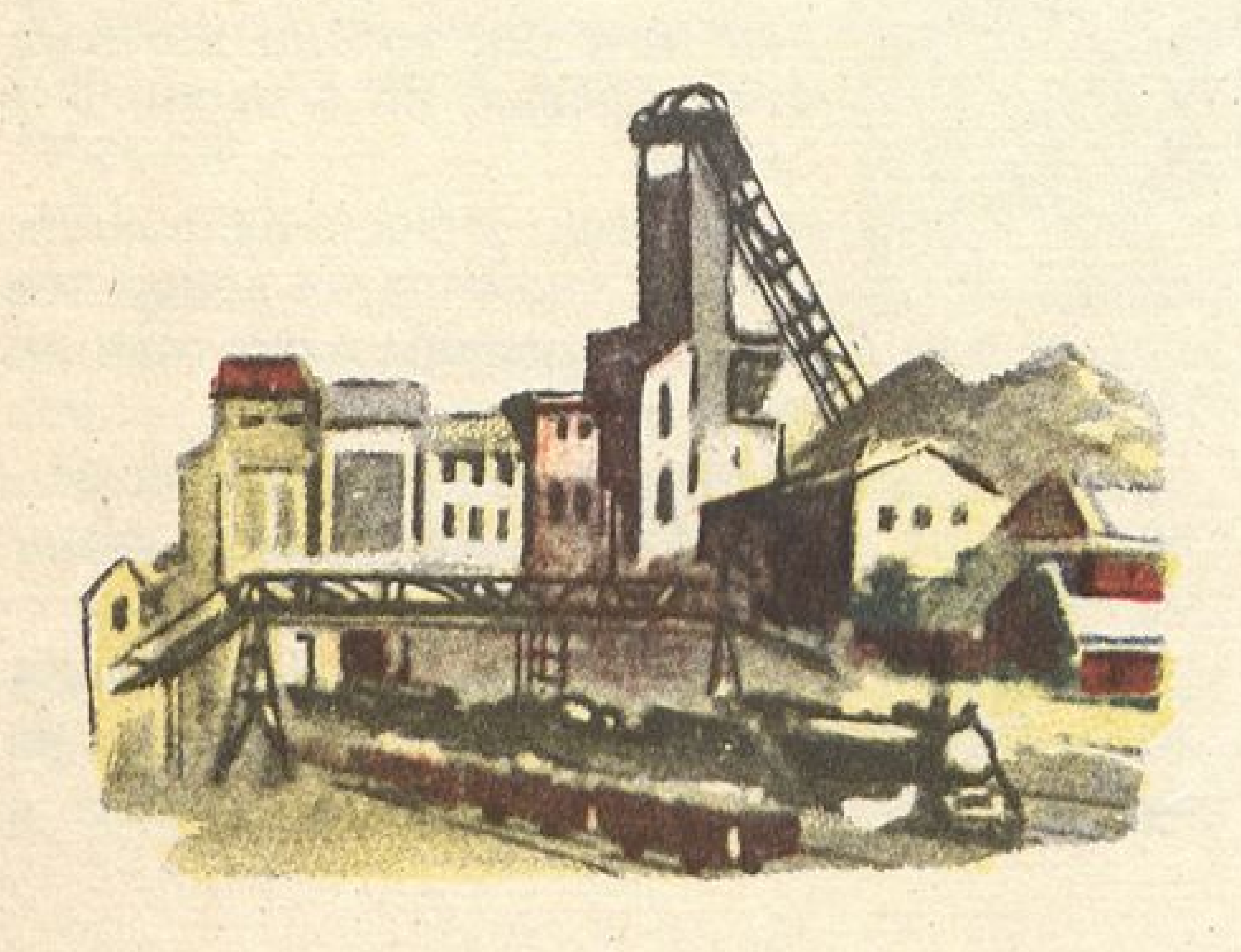
НАША Р

На севере нынче морозы с метелями.
В пургу на оленях неделю летели мы...
А на Кавказе, на юге у нас,
Уже расцветают фиалки сейчас.

Луна над границею дальневосточною.
Несут пограничники вахту полночную.
А в Киеве и на Карпатах у нас
Всё залито солнцем и день не погас.

Когда за Карпатами солнце скрывается,
На Дальнем Востоке моряк просыпается.
Он первым встречает рассвет над волной.
Свет солнца не гаснет над нашей страной!

Хоть год путешествуй — на лодках,
оленями,
По рекам глубоким, степными селеньями,

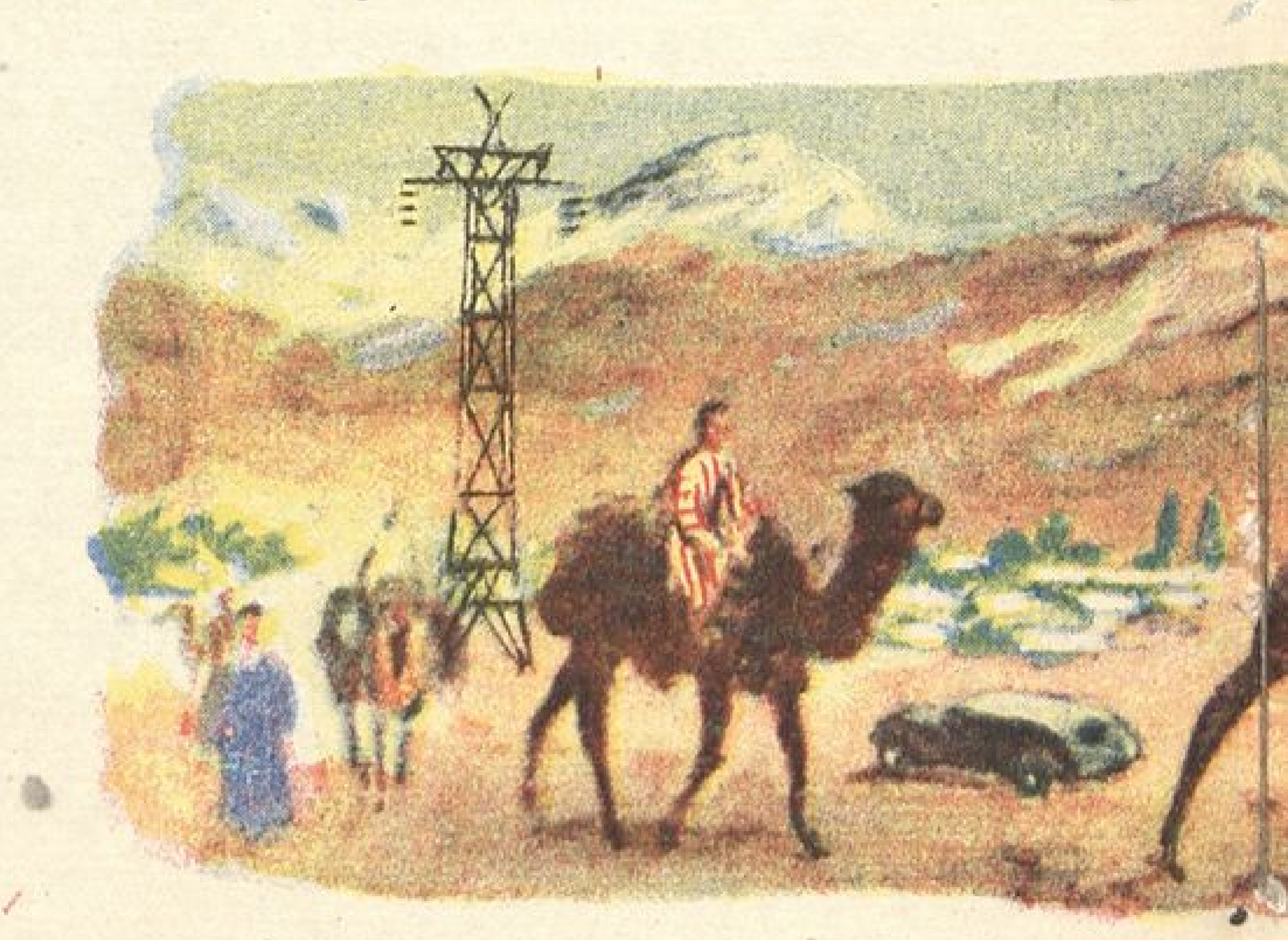

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

РОДИНА

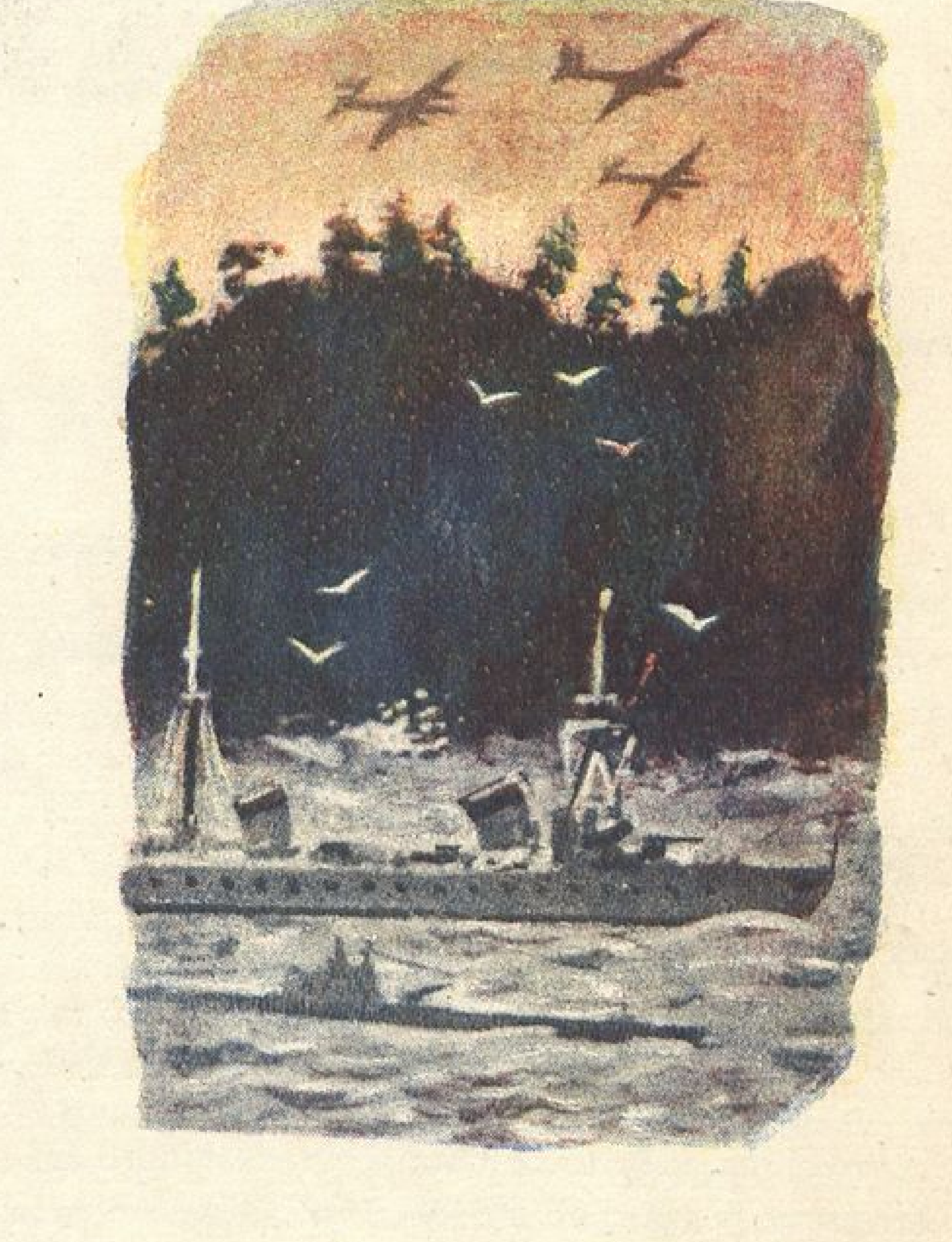
Куда ни посмотришь — родные поля.
Бескрайна советская наша земля!

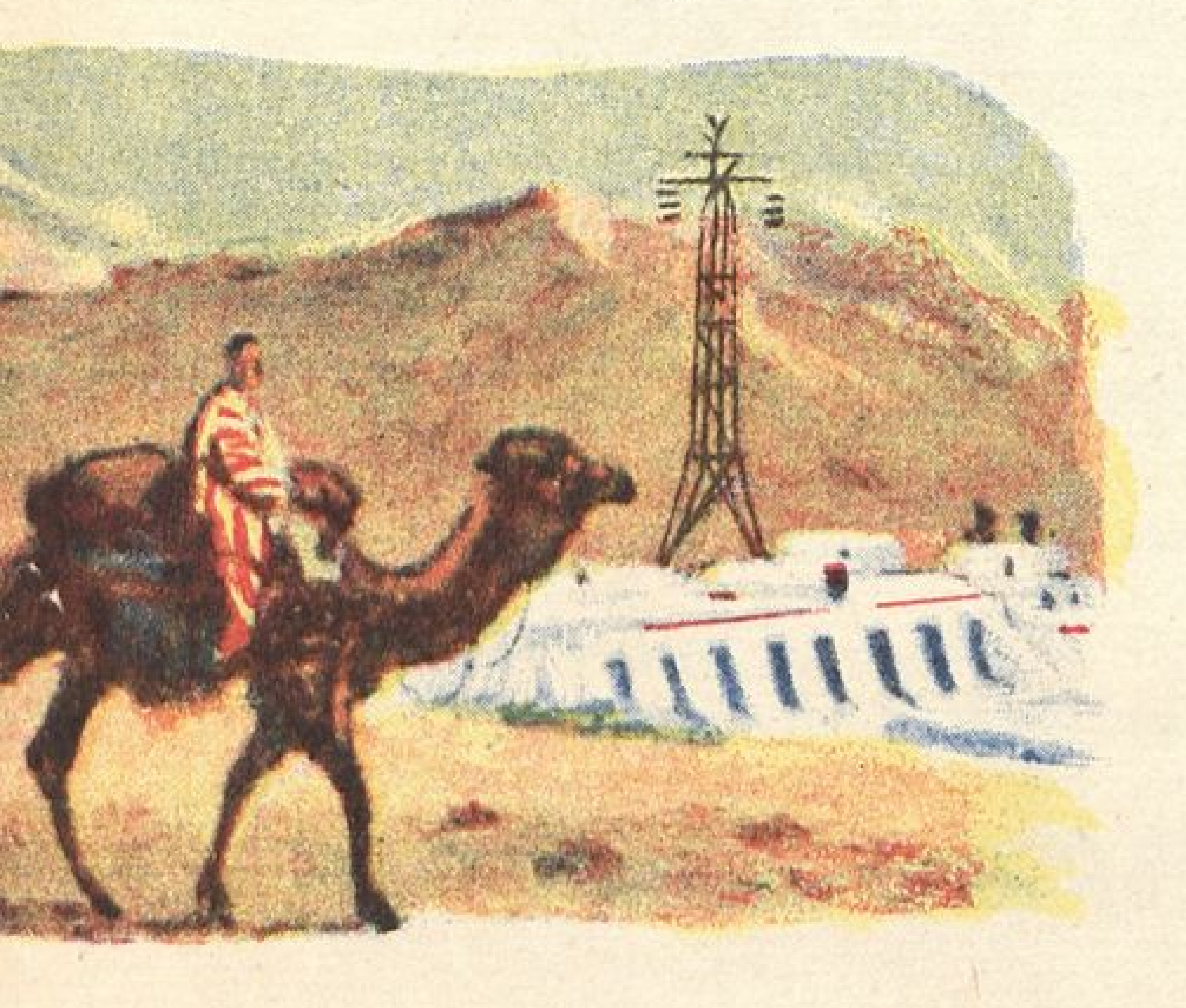
Москва, и Тбилиси, и шахты донецкие —
Пусть разная речь, всюду люди советские.
Шестнадцать республик! Их дружба крепка.
Советский Союз их сплотил на века.

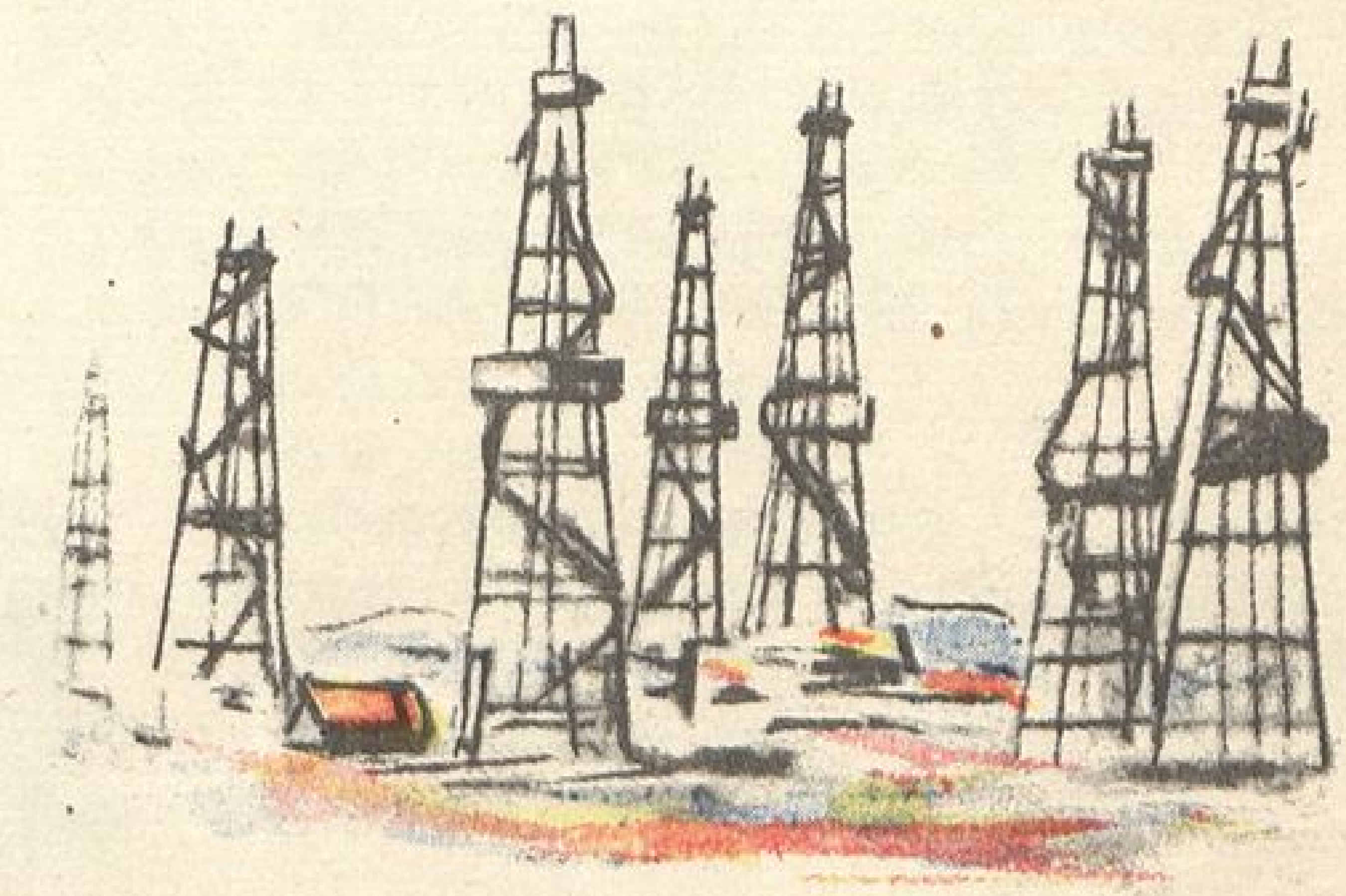
Богаты мы землями, дружбою, славою,
Хлеба мы растим, и врубаемся в лаву мы,
И армия наша на страже труда,
И нас не осилит никто никогда.

И Сталина слово над морем, над сушею
Летит, как на крыльях, — весь мир его
слушает.
Всех в мире прекрасней, свободна, сильна
Родная советская наша страна.

Перевёл с украинского Яков Хелемский

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

САПОГИ

Мой брат из части приезжал,
Он конник боевой.
Он шашку мне носить давал,
Фуражку со звездой.

Он подарил мне сапоги,
Но я носить не мог:
Влезали две мои ноги
В один его сапог.

До слёз обидно было тут:
Гляжу на них с тоской.
Отец сказал мне: «Перешьют
В сапожной мастерской».

Я к мастерской водил ребят,
И мы в окно смотрели,
Как кожу мастера кроят
И обувь шьют в артели.

Потом всё было, как во сне.
Пришли в последний раз,
И говорит сапожник мне:
— Ну, получай заказ!

Мне были впору сапоги,
Как новые, блестели,
А на прощанье: «Береги, —
Сказали мне в артели. —

Ты должен их ценить вдвойне:
В них воевал солдат,
Ходил в походы на войне,
В Берлин вошёл твой брат».

Теперь ношу я сапоги
Военного покроя.
Горжусь я этим дорогим
Подарком от героя.

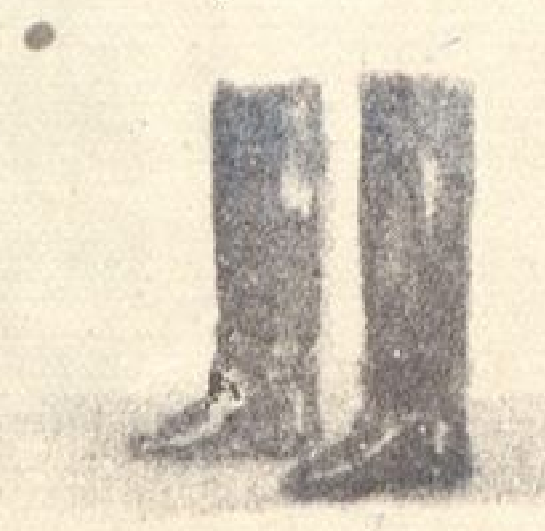

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Финист-ясный сòкол

Русская народная сказка. Обработал **Андрей Платонов**

(Окончание. Начало см. в № 11)

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила её.

— Давно,—говорит,—я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист-ясный сокол живёт. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет. Финиста твоего ведьмы две околдовали теперь, мать с дочерью, куда как обе скупые да ненавистные, людскому горю помощницы! И зельем его поят, и холят его, и на волю пускают, а он полетаѐт, полетает да обратно к ним же летит. Забыл он, видно, место, откуда прилетел, где сердце его лежит. Только, слышала я, кричит он в поднебесьи, всё голубку свою зовёт, а где она—и сам не ведает: заворожили его разум ведьмы чужие, добрых душ ненавистницы. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придёт, а от разума и трудное лёгким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

— Благодарствую тебе, бабушка, — и поклонилась ей в землю.

— Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарок — возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь: а что нужно будет делать тебе, — пойдёшь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо итти.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: как дойду — земля здесь твёрдая, чужая, к ней привыкнуть нужно.

Прошла она недолго времени. И видит — стоит на поляне богатый двор. А во дворе — терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать, ей надо.

Вспомнила Марьюшка — обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

— Здравствуй, хозяюшка! Не надобно ли работницу за хлеб, за одёжу-обужу?

— Надобно, — отвечает знатная хозяйка. — А умеешь ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

— Я у батюшки без матушки жила — я всё умею.

— А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

— Умею, — говорит.

— Ступай тогда, — хозяйка говорит, — на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердные; всякое дело ладится у неё.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было ещё у неё такой услужливой, да доброй, да смышлёной работницы, и хлеб Марьюшка ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери:

— Смотри, — говорит, — работница какая у нас во дворе: покорная да умелая и на лицо ласковая!

Посмотрела хозяйкина дочь на Марьюшку.

— Фу, — говорит, — пусть она ласковая, а я зато краше её, и телом я белее!

Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прясть. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретёнце и прядёт. Прядёт она, из кудели нитка тянется, нитка не простая, а золотая; прядёт она, а сама глядит в серебряное донце, и чудится ей, что видит она там Финиста-ясна сокола: смотрит он на неё, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

— Финист мой, Финист-ясный сокол! Зачем ты оставил меня одну, горькую, всю жизнь плакать по тебе? Это сёстры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вошла в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

— О ком ты горюешь, девица? — спрашивает она. — И какая у тебя забава в руках?

Марьюшка говорит ей:

— Горюю я о Финисте-ясном соколе. А это я нить пряду, полотенце Финисту буду вышивать, было бы ему чем поутру белое лицо утирать.

— А продай мне свою забаву! — говорит хозяйкина дочь.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, остановила своё золотое веретёнце и говорит:

— У меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце, золотое веретёнце не продаётся: мне добрая бабушка его подарила.

Обиделась хозяйская дочь: не хотелось ей золотое веретёнце из рук своих упускать.

— Если не продаётся, — говорит, — давай тогда мену делать: я тебе тоже вещь подарю.

— Подари, — сказала Марьюшка: — дозволь мне на Финиста-ясна сокола хоть раз одним глазом взглянуть!

Хозяйская дочь согласилась:

— Изволь, девица, — говорит. — Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце и золотое веретёнце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста не надолго, дам ему сонного зелья, а через это золотое

веретёнце мы с матушкой вовсе озолотимся!»

К ночи воротился из поднебесья Финист-ясный сокол; обратился он в доброго молодца и сел ужинать.

Хозяйская дочь велела позвать Марьюшку: пусть она служит за столом и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась, служит она за столом, кушанья подаёт и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно нету его, — не узнал он Марьюшки: истомилась она путём-дорогою, идучи к нему, и от печали по нём изменилась в лице.

Отужинали хозяева. Встал Финист и пошёл спать в свою горницу.

Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

— Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать ему не мешали.

— А пусть её идёт! — сказала старая хозяйка.

Молодая хозяйка подумала.

— Ан, нет,— говорит,— пусть обождёт.

А сама пошла вслед за Финистом, дала ему на ночь сонного зелья выпить в питье и воротилась. «Может, — рассудила хозяйская дочь, — у работницы ещё какая забава на такую мену есть!»

— Иди теперь, — сказала она Марьюшке, — иди и мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит её сердечный друг непробудным сном. Смотрит на него Марьюшка — не насмотрится. Наклонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

— Проснись, мой Финист-ясный сокол, это я к тебе пришла; я три пары башмаков железных истоптала, я три посоха чугунных о дорогу истёрла, три хлеба каменных изглодала!

А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Приходит в горницу хозяйская дочь и спрашивает:

— Отогнала мух?

— Отогнала, — Марьюшка говорит, — они в окно улетели.

— Ну, иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла своё серебряное блюдечко и катает по нему золотым яичком. Покатает вокруг — и новое золотое яичко скатывается с блюдечка, покатает другой раз вокруг — и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка.

Увидела хозяйская дочь.

— Ужели,— говорит, — и такая забава есть у тебя? Продай мне её, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за неё.

Марьюшка говорит ей в ответ:

— Продать не могу: мне добрая бабушка это в подарок дала. И я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ко, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась.

— А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь.

Марьюшка и просит в ответ:

— А мне самое малое и нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда он ляжет почивать.

— Изволь, — говорит молодая хозяйка.

К ночи опять, как было, воротился Финист-ясный сокол из поднебесья, обратился он в доброго молодца и сел за стол ужинать. Младшая хозяйка позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать. Марьюшка кушанья подаёт, чашки ставит, ложки кладёт, а сама глаз с Финиста не сводит. А Финист глядит и не видит её, не узнаёт её его сердце.

Опять, как было, дала хозяйская дочь Финисту питьё с сонным зельем, а Марьюшку послала к нему в горницу и велела ей мух отгонять.

Пришла Марьюшка к Финисту; стала звать его и плакать над ним, думала — нынче он пробудится, взглянет на неё и узнает Марьюшку. Долго звала его Марьюшка и слёзы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, не пробудился он и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила к вечеру всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула золотое пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает.

Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, мой красный

узор, вышивайся для Финиста-ясна сокола, было бы на что ему любоваться!

Молодая хозяйка неподалёку ходила-была. Пришла она в людскую избу, увидела в руках у Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Зашлось у неё сердце завистью и алчностью, и говорит она:

— Ой, Марьюшка, душенька, красная девица! Подари мне такую забавку, либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретёнце есть у меня, пряжи я напряду, холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету — вышивать нечем. Если в обмен не захочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

— Нельзя, — говорит Марьюшка. — Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

— Приходи, коли хочешь, от Финиста-сокола мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

— Приду уж, так и быть, — сказала Марьюшка.

После ужина молодая хозяйка дала Финисту сонного зелья, и Финист ушёл почивать.

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту. Уже не стерпело теперь её сердце. Припала она к его белой груди и причитает:

— Проснись-пробудись, Финист мой, ясный мой сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и о землю истёрлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала. Встань-проснись, Финист мой, сокол! Сжалься ты надо мной!

А Финист спит, ничего не чует, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго Марьюшка причитала, долго будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся бы Финист — крепко было сонное колдовское зелье, — да упала одна горючая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая

открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

— Ах, — говорит, — что меня обожгло?

— Финист мой, ясный сокол! — отвечает ему Марьюшка. — Пробудись скорей, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я о землю истёрла, не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела. Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут от чистых слёз Марьюшки сошло с Финиста колдовство, и узнал Сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так он обрадовался ей, что от радости слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал её.

А очнувшись, привыкши к своей радости, он сказал Марьюшке:

— Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица.

И в ту же минуту обратился он в сокола, а Марьюшка обратилась в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом, до самого рассвета.

А на рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг. Видит она — дом её родителя стоит, как прежде был. Захотела она увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист-ясный сокол ударился о сырую землю и сделался пёрышком.

Взяла Марьюшка пёрышко, спрятала его к себе на грудь за пазуху и пришла к отцу.

Встретил её отец и обрадовался:

— Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

— Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

— А нужно, так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось это как раз, что в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут — подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

— Батюшка! — говорит. — Я с дороги

притомилась и надеть мне на себя нечего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

— А я там тебя, Марьюшка, обряжу, — отвечает отец. — На ярмарке, чай, торг большой.

А старшие сестры говорят младшей:

— Надень наши уборы, у нас лишние есть.

— Ах, сестрицы, спасибо вам! — говорит Марьюшка. — Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

— Ну, быть по-твоему, — говорит ей отец. — А чего тебе с ярмарки привезти, какой подарок — скажи, отца не обижай!

— Ах, батюшка, ничего мне не надобно, всё у меня есть. Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сёстрами уехал на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула своё пёрышко, вынула она его да обронила; ударилось пёрышко об пол и сделалось

прекрасным добрым молодцем Финистом, только ещё прекраснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась, да от радости ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

— Не дивись на меня, Марьюшка. Это я от твоей любви таким стал.

— Я боюсь тебя! — сказала Марьюшка. — Коли бы ты похуже стал, мне лучше бы, покойнее было.

— А где родитель твой, батюшка?

— На ярмарку уехал, и сёстры с ним старшие.

— А ты чего, Марьюшка моя, не поехала с ними?

— У меня Финист есть, ясный сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

— И мне ничего не надо, — сказал Финист. — Да я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко — сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге.

Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что были там, и велел их обозами везти в деревню, к родителю Марьюшки. Одну только мазь колёсную он не купил, а оставил её на ярмарке. Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет.

Поехал Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадям воздуха от ветра нехватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестёр. Они ещё на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу её с Финистом-ясным соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто вёрст в округе. Обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

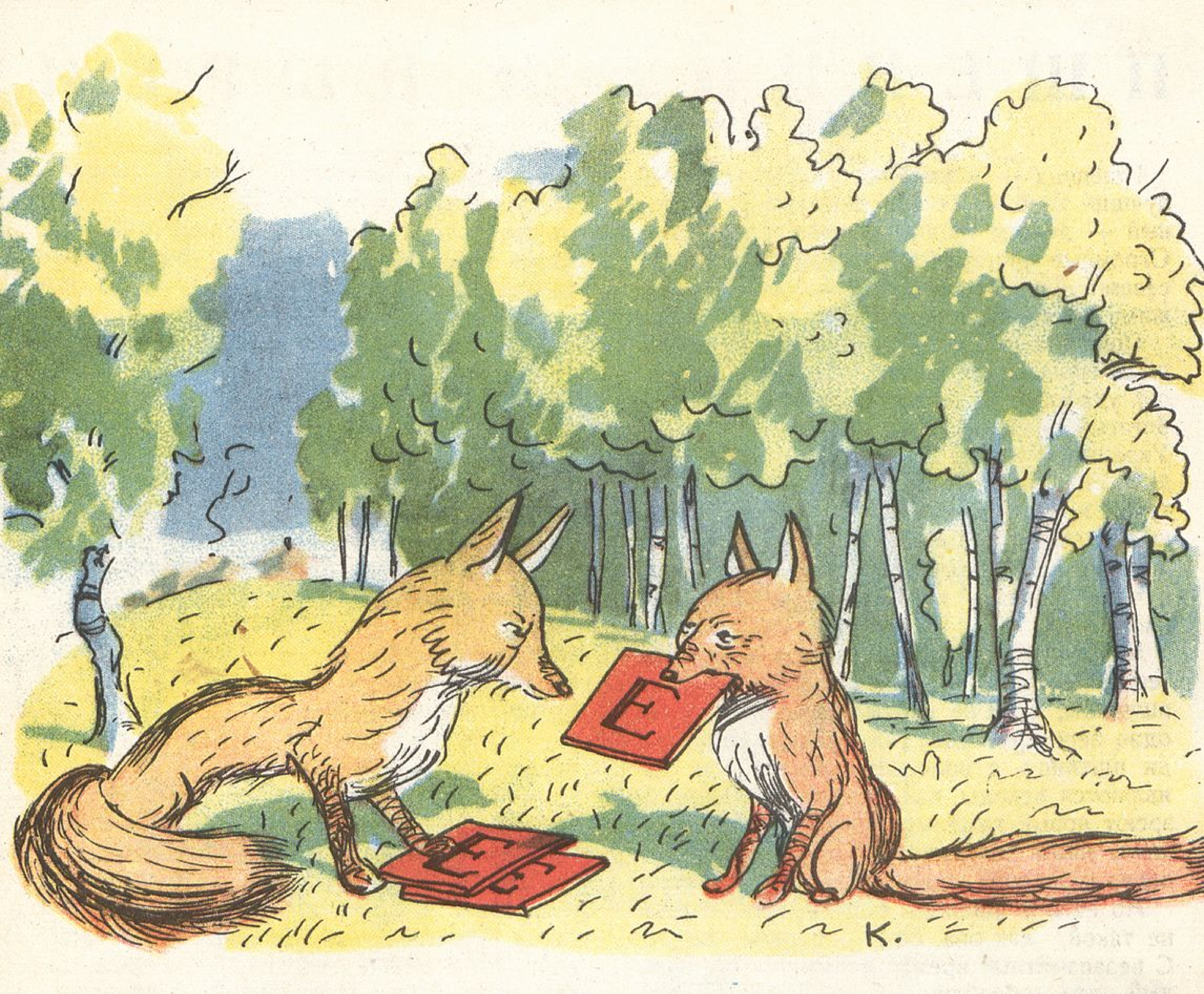
На той свадьбе дедушки наши и бабушки были.

Долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное, любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

Конец

Н. ГЕРНЕТ *Рис. А. КАНЕВСКОГО*

ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ?

Когда Надя и Серёжа пошли первый раз в школу, мама подарила им по разрезной азбуке. Они давно уже выучили все буквы и очень любят складывать из них разные слова.

Серёжа сложил даже целый рассказ. Правда, у него, как нарочно, куда-то задевались все буквы «е». Но только он и без них обошёлся. Взял да подставил вместо буквы «е» разные другие буквы.

— Прочитай! — говорит Серёжа Наде.

Надя прочитала, да только ничего не поняла. Помогите ей, ребята, — она ведь маленькая!

Поставьте сбежавшую от Серёжи букву «е» в те слова, где ей быть полагается. И, пожалуйста, поскорее пришлите нам ответ, а то Надя очень огорчается.

ЛОТО

В полу было жарко. Мы охали долго-долго, пока не увидали лис и сало. Нас ждали в соли. Тятя Луна и дядя Соня были нам рады. Мы хорошо провыли лото. Ловили рыбу на руку, или ватрушки на моду. Кувыркались на лугу в сани. А потом поохали в город.

ПШЕНИЦА И ПЫРЕЙ

Пшеница — кормилица людей. Самый лучший хлеб — белый, вкусный, питательный — делают люди из пшеничных зёрен. Огромные пространства земли заняты посевами пшеницы, её золотыми нивами, похожими на волнующееся безграничное море.

Пшеница много даёт человеку, но немало и спрашивает с него. Она любит хорошо удобренную почву на севере, жирный, богатый чернозём на юге — в степях Украины, Кубани, Дона. Она боится засухи и сильных холодов. Она требует много труда и ухода за собой. Но так драгоценны её зёрна, что люди никаких трудов не жалеют, чтобы выращивать её как можно лучше, собирать как можно больший урожай.

Каждую весну вспахивают колхозники землю и старательно высевают семена пшеницы, чтоб не пропало понапрасну ни одно зерно. Каждый год сызнова сеют люди пшеницу, с волнением следят, как появляются всходы, как колосятся стебли и зреют новые тяжёлые зёрна. Сжаты, скошены нивы, обмолочены скирды, убрано зерно в закрома, а весной — снова сеять!

Но есть у пшеницы родственник, совсем не такой, как она. Это — сорняк пырей. С незапамятных времён ненавидит его каждый, кто обрабатывает землю. Русские крестьяне — деды и прадеды наших колхозников — наградили пырей разными гневными прозвищами: «ползучий корень», «сосун-трава», «ведьмина пшеничка».

А ещё раньше римляне назвали его «агропирум», что в переводе на русский язык означает «полевой огонь». Это название так пристало к пырею, что даже в науку вошло. Когда вы, ребята, современем будете всерьёз изучать ботанику — науку о растениях, вы встретите это название — «агропирум».

Чем же заслужил себе пырей свою недобрую славу? Да тем, что размножается он не только семенами, а, главным образом, многолетним, живучим и ползучим своим корневищем. Корень у него даёт отростки не только вниз, но распространяется во все стороны. Как огонь, расползается он под землёй. Вытесняет, словно сжигает, всякие другие корешки. И каждую весну на этом ползучем корневище отрастают вверх и выбиваются из-под земли новые стебельки этой жёсткой травы; пырея, которую даже скот не любит.

Но вот однажды к знаменитому садоводу Ивану Владимировичу Мичурину пришёл молодой человек. Он принёс с собой целый чемоданчик со склянками, пробирками и сказал:

— Иван Владимирович, кажется, мне удалось сделать пырей полезным растением...

А Мичурин тоже очень не любил пырей, как все, кто стремится, чтобы земля приносила человеку только пользу. Хоть и создал сам Мичурин много чудесных, необыкновенных растений, но даже и он удивился словам своего гостя.

— Ого! — сказал он. — Как же ты этого добился?

— Я скрестил с пыреем пшеницу, — спокойно, не смущаясь, ответил молодой человек. — Ведь они — родственники.

Мичурин знал, конечно, что пырей и пшеница в родстве между собой. Недаром народ прозвал пырей «ведьминой пшеничкой». Но родство это дальнее, и ведь каким врагом был всегда вредный, пакостливый пырей для кормилицы человечества, красавицы-пшеницы!

— Смелый ты человек, — сказал Мичурин своему молодому гостю. — Если тебе в самом деле удалось это сделать, ты целый переворот совершишь в земледелии. Пырей перестанет быть вредителем, а пшеница сделается многолетней.

— Именно так, Иван Владимирович! — обрадованно подхватил гость. — Такова была моя задача — сделать пшеницу многолетним злаком, чтобы не приходилось её каждый год сызнова сеять, а чтобы по несколько лет подряд можно было снимать с неё урожай без пересева.

Мичурин осмотрел зёрна, принесённые молодым человеком в стеклянных пробирочках и колбочках. Как опытный мастер и знаток растений, он сразу распознал, что

смелый гость его действительно добился большой удачи. Зёрна были чуть поменьше, чем у настоящей, хорошей пшеницы, но несравненно крупнее, чем у дикаря-пырея.

Мичурин одобрительно улыбнулся.

— Так ты хочешь, стало быть, чтобы землеробы наши один год сеяли, а пять лет подряд с одного посева урожай снимали? Дерзко задумано, что говорить... Только как бы не обленились, — добавил он, шутливо прищурившись.

Улыбнулся и гость.

— Вы, Иван Владимирович, каждый год плоды с деревьев снимаете: дерево раз посадите, а потом и получаете урожай подряд много лет... Только и разница будет, что до сих пор две горячих поры было у пахаря-земледельца: посевная да уборочная, а теперь останется только одна уборочная.

С почётом и похвалой проводил Мичурин своего гостя-ученика. Теперь этот смелый молодой человек — всем известный академик Николай Васильевич Цицин, создатель уже широко применяемой многолетней пшеницы.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

Удивительный художник
У окошка побывал.
Удивительный художник
Нам окно разрисовал.

Пальмы, папоротник, клёны...
На окошке лес густой,
Только белый, не зелёный,
Лес чудесный, не простой.

На стекле цветы и листья,
Всё искрится, всё бело.
Но без красок и без кисти
Разрисовано стекло.

Замечательный художник
У окошка побывал.
Отгадайте-ка, ребята,
Кто окно разрисовал?

Нина НАЙДЁНОВА

Рисунок на обложке М. ЧЕРЕМНЫХ

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать четвёртый | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6/8. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 20 XII 1947 г. А12359. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2184.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сущевская, 21.

Е. ТРУТНЕВА *Рис. Ю. КОРОВИНА*

СКАЗКИ

На дворе остались санки
И высокая гора.
Зимний вечер спозаранку
Всех прогонит со двора.
Стынут лунные дорожки,
Дым клубится над трубой...
И в застывшие окошки
Входят сказки всей гурьбой.
Входят сказки друг за другом.
Нет ни стен, ни потолка.
Дети жмутся тесным кругом
За столом у огонька.
«Крылья плещут и блестят,
Гуси-лебеди летят...»
«В чистом поле три копытца,
В каждом—свежая водица.
Донимает жар и пот,
Из копытца братец пьёт...»
«За крутые берега
Скачет старая Яга.
Не в санях, не по земле,
А верхом на помеле...»
Чуть потрескивают в печке
Золотые угольки.
Дед Морозко на крылечке
Оттоптал все каблуки.